

Review **Петербургский международный юридический форум**

«Для меня форум — это площадка, где можно обновить свой профессиональный кругозор»

— экспертное мнение —

с13 — Какие юридические сообщества доминировали на форуме? — 30% — адвокаты и юридические консультанты, 28% — руководители юридических служб крупнейших компаний, 15% — представители органов государственной власти, 8% — судьи, 6% — представители международных организаций и ассоциаций, 11% — представители юридических школ, 2% — нотариат. С каждым годом растет представительство Верховного суда: в этом году Верховный суд вновь организовал на форуме авторскую сессию, посвященную судебной практике по обязательственным спорам. Эффективной оказалась и попытка разбавить юристов в составе участников дискуссии представителями других профессий. Мне как юристу было очень интересно участвовать в дискуссиях, и как одному из организаторов мне кажется очень важным, что наш форум никогда не был паркетным мероприятием, но при этом не останавливается и продолжает повышать уровень профессиональной дискуссии.

«Мы опоздали с изменением регулирования финансовых сделок»

— О каких проблемах говорили на форуме?

— Деловая программа форума традиционно создается на основе предложений его участников. Программный комитет старается выбрать самые актуальные темы, которые наиболее дискуссионны в данный момент или немного опережают время. При этом есть задача охватить весь контекст актуального в юридическом году. Для меня форум — это площадка, где можно за три-четыре дня обновить свой профессиональный кругозор. Я думаю, не должно быть иллюзий, что за полтора часа дискуссии можно глубоко познать тот или иной предмет, но понять, что волнует цивилистов, международников, специалистов в интеллектуальной собственности, наследственном праве, вполне возможно на форуме. Для меня важной стала сессия «Регулирование финансовых сделок в Гражданском кодексе (ГК РФ): совершенствование или правовая неопределенность». Газпромбанк выступил организатором этой сессии, и мне как модератору было интересно, насколько взгляд нашей банковской юридической команды отличается от мнения коллег. Я много раз слышала, что есть критики законопроекта, но ни разу не слышала концептуальных возражений. На сессии присутствовали представители многих уважаемых юридических школ, разных банков, юристы крупных компаний, представители ассоциаций среднего бизнеса — я ожидала жесткой полемики. Но сессия стала неким многоголосием в защиту проекта, его важности и необходимости для развития не только российского права, но и экономики в целом. Все единодушно признали необходимость скорейшего принятия изменений ГК РФ в части регулирования финансовых сделок.

— Чем это обусловлено?

— Необходимость таких изменений в первую очередь вызвана тем, что с момента принятия в 1996 году второй части ГК РФ большинство положений, регулирующих финансовые сделки, не изменялось. За 21 год произошли глобальные изменения в экономических отношениях, в деловом обороте, в практику совершения финансовых сделок вошли инструменты, широко используемые в международном опыте, приняты и вступили в силу восемь из десяти крупных блоков изменений в ГК РФ, а мы и сегодня часто вынуждены уходить в иностранное право при совершении финансовых сделок, так как разработанный еще в 2012 году законопроект изменений ГК РФ по финансовым сделкам так и не принят. На круглом столе был приведен яркий пример — это регулирование аккредитивов. Сегодня действуют положения ГК РФ по аккредитивам, в основу ко-

ЮРИИ МАЛЬШЕВА

торых положены Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов UCP500 в редакции 1993 года, которые вот уже десять лет не действуют, так как с 2007 года применяется редакция UCP600. В результате нет такого инструмента в ГК РФ, как трансферабельный аккредитив, не определен статус безотзывности аккредитива и многое другое. При этом юристы задыхаются и вынуждены приспосабливаться под существующий ГК, выводя часть правоотношений по финансовым сделкам в иностранное право. Хотя от регулирования финансовых сделок зависит развитие экономики России и привлечение инвестиций. Значение норм ГК о финансовых сделках крайне важно и для того, чтобы российское право было все чаще применимо для иностранных компаний.

— Ранее говорились, что предлагаемые изменения могут нарушить права и интересы граждан.

— Я думаю, это часть неоправданного populism. Все приводимые аргументы адресованы непрофессиональной аудитории, которая не обязана помнить, что отношения с гражданами по поводу кредитования в большей части урегулированы законом о потребительском кредитовании, установившим жесткие требования к банкам при работе с гражданами. Большинство изменений законопроекта направлены на регулирование отношений в сфере предпринимательской деятельности, в которой сегодня от бедности правового инструментария страдают в первую очередь юридические лица — клиенты банков, которые лишены помощи со стороны финансовых институтов. Отсутствует удобный правовой инструментарий для сопровождения финансовых сделок и расчетов. Мы отстали и опоздали давно с этими изменениями. Например, нужно довести до качественного регулирования институт условного депонирования (эскроу). Ведь, несмотря на его очевидные преимущества, он не работает из-за отсутствия в ГК такого вида договора, как договор эскроу и иммунитета объектов, переданных в эскроу. Законопроект требует и доработки в части определения порядка депонирования бездокументарных ценных бумаг у эскроу-агента, а также предоставления иммунитета безналичным денежным средствам, переданным эскроу-агенту, если эскроу-агент не банк. Регулирование эскроу позволит значительно сократить сроки проведения расчетов по сделкам, повысить их безопасность и прозрачность.

«Государству и бизнесу необходимо сделать шаг навстречу друг другу»

— Почему вы как топ-менеджер банка выбрали темой своего доклада на форуме не проблемы финансового законода-

тельства, а особенности управления АО с участием государства?

— В первом случае мне важнее было послушать коллег, кроме того, позиция банка была представлена моей коллегой вице-президентом банка Татьяной Кузьминой. Во второй теме у нас накопилось много идей по результатам работы с нашими клиентами. Газпромбанк часто является не только финансирующим банком, но и банком — консультантом наших клиентов в крупных проектах, иногда с участием государства или государственных компаний. Я попыталась развести страшилки относительно институтов опционов и акционерных соглашений с участием государства. Специальное право («золотая акция») в некоторых случаях внятно и хорошо работает, но ее применение ограничено по кругу вопросов и кругу акционерных обществ. К тому же эта бюрократически ясная для российского бизнеса процедура сложна для иностранцев. А в акционерных соглашениях, которые перешли к нам из иностранной практики, можно решить вопросы даже с одной акцией. Такой современный, гибкий и диспозитивный инструмент позволяет существенно повысить уровень регулирования корпоративных отношений с участием государства. Это именно тот случай, когда государству и бизнесу необходимо сделать шаг навстречу друг другу для реализации комплексных проектов в совместных интересах. Уже имеется практика заключения таких соглашений с государством как на уровне РФ, так и на уровне субъектов РФ. Их условия положительно воспринимаются судами на всех уровнях. Минус лишь в том, что принятие решений государством в такой форме не может быть оперативным: во многих случаях необходимо утверждение президентом, правительством или органом власти субъекта РФ. Есть и ряд ограничений на условия акционерного соглашения, но они преимущественно не затрагивают возможности их использования для контроля государством АО.

— Какой механизм вы считаете более эффективным?

— С одной стороны, нужно совершенствовать механизм делегирования и упрощения процедур согласования, прохождения и реального использования прав, которые в сложных переговорах и сложных сделках достигает и получает государство через соглашения. С другой стороны, в тех компаниях, где понятно, что эти права будут избыточны, не нужно за них всегда биться. Может быть, имеет смысл ограничить пакет самых существенными вопросами, а в некоторых случаях не идти на соглашение, поскольку оно может быть во вред. Кстати, на том же круглом столе развернулась острая

дискуссия по поводу методики управления непрофильными активами. В результате все участники договорились согласовать предложения по ее изменению, а выступавший модератором глава Росимущества Дмитрий Пристансков обещал рассмотреть и по возможности учесть эти предложения.

— На круглом столе о правовых аспектах управления госактивами возникла острая дискуссия о «зарегулированности» этой сферы. Что, на ваш взгляд, более эффективно — установить ответственность топ-менеджера или чиновника за принятие решений или жестко их регламентировать?

— Здесь очень важен баланс. Я считаю, что тотальное недоверие к любому праву на дискрецию и субъективное усмотрение очень вредно — это лишает возможности принимать эффективные управленческие решения во всех сферах. Когда каждый шаг должностного лица регламентируется и, следовательно, проверяется, это полностью убивает инициативу. Люди должны иметь возможность принимать решения и нести за них ответственность, а оценивать нужно результат. — Какие проблемы вы видите в законодательном регулировании сферы корпоративного права?

— Явно недоработано новое регулирование сделок с заинтересованностью. Изменения были приняты поспешно в целях упрощения процедур, исключения для ряда сделок требования их одобрения советами директоров сторон. Но из-за неверного способа решения задачи правовая неопределенность только усилилась. Например, кредитные отношения исключаются из числа сделок, подлежащих одобрению, но из-за дефектов дефиниций, которые там использованы, банки, в том числе мы, вынуждены во избежание правовых рисков требовать при рассмотрении кредитных заявок корпоративного одобрения сделок. Это усиливает нагрузку на бизнес, затягивает сроки получения денег.

— Что, с вашей точки зрения, необходимо изменить в законодательном процессе?

— Его нужно серьезно замедлять и прекращать менять законы под сиоиминутные цели. При этом недопустимо бесконечное обсуждение очевидных и давно назревших изменений, а также задержка в принятии очевидных консенсусных изменений. Как и во всем, нужен разумный баланс. Необходимо ушлиннить сроки принятия законов и проводить качественную экспертизу всех законопроектов именно на площадке парламента, где должны быть созданы профессиональный аппарат и научные экспертные центры, которые работали бы не столько на критику, сколько на созидание. При этом, если процесс прохождения проекта будет долгим и прозрачным, это позволит обсудить все детали с профессиональным сообществом: все заинтересованные лица и профильные специалисты об этом узнают и в него включатся. Окончательный вариант проекта должен быть согласован всеми участниками обсуждения (министерствами, компаниями, общественными ассоциациями и т. д.) ко второму чтению, чтобы в его рамках еще раз проверить соответствие всех нюансов проекта целям, которые он должен решать. Из-за отсутствия такого подхода зачастую принимается закон, который не только не достигает цели, но и разрушает те, что были достигнуты в предыдущей редакции. В то же время разработка правительственных законопроектов из-за многочисленных общественных обсуждений зачастую так затягивается, что соответствующие инициативы правительства теряют свою актуальность.

— Вы перешли в Газпромбанк с поста заместителя главы Минюста, который является активным участником законодательного процесса. С учетом практического опыта во власти и бизнесе какой срок принятия законопроекта вы считаете оптимальным?

— В целом идеальное решение сложно найти. Я не верю в эффективность процесса в отрыве от людей. Мне кажется, в такой сложной задаче поиска согласованного решения и требования по своевременности изменений определяющим являются профессионализм тех, кто работает над проектом, а также горизонт, который авторы текста и его изменений держат в голове. Нельзя принимать закон с горизонтом один-два года: он должен регулировать отношения на долгий срок, не менее десяти лет, так как нет опаснее для бизнеса постоянных изменений правил регулирования. Необходим взвешенный подход, предусматривающий строгую процедуру ускорения законодательных процедур в исключительных случаях. Конечно, мы живем в глобальном меняющемся мире. Но, например, в Германии ни один законопроект не может быть принят без обсуждения в течение определенного длительного срока. В Америке ускоренная процедура предусмотрена, но требует практически единогласных согласований такого ускорения. Организация процесса — это вопрос культуры законодателя: они должны понимать риски, связанные с их репутацией и ответственностью перед страной и бизнесом, от которого зависит развитие экономики. Ведь поспешность и безответственность законодателя могут привести к убыткам многих, иногда и тех, чьи интересы подлежали законодательной защите.

Механизмы «мягкой силы»

— Каковы итоги проведенных вами «прогнозных» сессий — о перспективах развития рынка юридических услуг и роли верховенства права для благоприятной деловой жизни?

— Представители крупных западных компаний говорили об изменении своих стратегий в связи с общей тенденцией перехода сделок их клиентов в российское право благодаря изменениям ГК РФ и появлению правового инструментария, который реально работает. Это фулор! Очевидно, что настало время возможностей для развития российских юристов, российских юридических фирм. Есть надежда, что развитие российского арбитража только усилит эту тенденцию. А негативная тенденция связана с утратой права своей основополагающей функции регулирования общественных отношений. Базовый принцип верховенства права — rule of law — все чаще становится лозунгом без содержания. Обсудить эту тему предложил министр юстиции Австрии Вольфганг Брандштеттер, который выступил с видеобращением, так как не смог приехать на форум, поскольку в эти дни был назначен вице-премьером. На этой сессии много обсуждалась важность правовых механизмов организации и ведения бизнеса, урегулирования конфликтов, как частных, так и публичных, была затронута тема санкций. Природа санкций, их порядок введения, безусловно, не являются правовыми, противоречат концепции rule of law, влекут существенные потери для всех. Тенденция такова, что все чаще применяются особые механизмы «мягкой силы» и международные форматы, фактически диктующие выходы за пределы национальной юрисдикции. При этом чаще всего решаются тактические политические задачи, но никто не думает о длинном горизонте, к каким последствиям ведет потеря баланса: системы сдержек и противовесов, процедур принятия справедливых решений, основанных на позициях разных сторон. Во многом в этом виноваты мы, юристы, наш правовой нигилизм и неадекватность. К счастью, об этой проблеме активно говорят коллеги-юристы большинства стран, что дает надежду на то, что скоро найдется правовое и сбалансированное решение. Ведь в любой сфере самое сложное — это признать, что проблема существует.

Адвокаты спешат на квалифицированную юридическую помощь

— проект —

Введение адвокатской монополии на судебное делопроизводство, которое обсуждается уже несколько лет, вновь откладывается. Министерство юстиции пока не готово представить концепцию регулирования отрасли профессиональной юридической помощи. Несмотря на то что Федеральная палата адвокатов настаивает на скорейшем утверждении проекта, по словам главы Минюста Александра Конова, документ сырой и требует тщательной доработки.

С точки зрения адвокатского сообщества препятствий для завершения работы над концепцией, кроме публикации проекта для обсуждения, нет — надеемся, что в ближайшее время Минюст это сделает, заявил Review президент Федеральной палаты адвокатов Юрий Пилипенко.

Минюст торопиться не намерен. Концепция проекта сырая и требует доработки, сообщили журналистам глава министерства Александр Ко-

новалов на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге. Его заместитель Юрий Любимов поясняет, что Минюст хочет дополнительно обсудить те части концепции, которые вызвали непонимание и несогласие в профессиональном сообществе. Мнения на этот счет самые разные — министерство готово и дальше обсуждать концепцию до единства взглядов, заявил он, выступая на форуме. По словам госпоина Любимова, планируется постепенное объединение профессионального сообщества на базе единой адвокатуры, однако вопрос, как будет организован доступ для тех, кто еще не включен в адвокатуру, пока остается открытым. «Не скрою, что моя персональная позиция весьма оригинальна: в качестве основы взять общий профессиональный экзамен. Но предусмотреть исключения для большой категории людей, которых не стоит заставлять сдавать экзамен», — отмечает Юрий Любимов.

В конце 2015 года Минюст уже вносил в правительство РФ Концепцию регулирования рынка профес-

сиональной юридической помощи, предполагавшую объединение юристов на базе адвокатуры. Это означало, что в большинстве случаев только адвокаты смогут оказывать юридические услуги, исключение было сделано для сотрудников государственных юридических бюро и штатных юрисконсультов компаний, работающих по трудовому договору. Сейчас защищать подсудимого в суде могут только юристы, получившие статус адвоката, после принятия документа это правило распространится бы и на административные и гражданские дела. Однако концепция вызвала возражения в юридическом сообществе и принята не была. Проблема в том, что сейчас юридическое сообщество разделено на две группы: те, у кого есть адвокатский статус, и те, у кого его нет. Первые подчиняются строгим этическим правилам, постоянно повышают свою квалификацию и несут дисциплинарную ответственность, в то время как представители второй группы иногда даже не имеют юридического образования и не

выполняют тех строгих правил, которые выполняют адвокаты, поясняет Юрий Пилипенко.

Еще один фактор, препятствующий переходу к адвокатской монополии, заключается в том, что, в отличие от коммерческих организаций, адвокаты не могут использовать упрощенную систему налогообложения (то есть платить 6% вместо 20% налога на прибыль организаций). Кроме того, сейчас законодательство запрещает клиентам заключать договоры напрямую с адвокатским образованием: такой договор можно оформить только с адвокатом. В итоге крупным компаниям, нуждающимся в юридическом сопровождении бизнеса, выгоднее обращаться к юридическим фирмам (а не адвокатам) или держать в штате юристов. Впрочем, помимо этих обязанностей и ограничений у адвокатов есть одно существенное преимущество — это адвокатская тайна, которая защищает его от изъятия документов правоохранителями и позволяет не разглашать материалы дела при вызове на допрос.

Объединение на базе адвокатуры позволит создать единые правила для всего юридического сообщества, что, безусловно, пойдет на пользу профессии и обществу, адвокатская монополия необходима, уверен Юрий Пилипенко. «Более конкурентной профессии, чем адвокат, не существует — внутри адвокатского корпуса очень развит профессиональная конкуренция, в том числе по вопросу оплаты услуг», — отмечает он.

Противники введения адвокатской монополии указывают на неизбежный рост цен на юридические услуги. «Нет никаких оснований для повышения стоимости юридических услуг: число субъектов, оказывающих юридическую помощь, сильно не изменится, максимум на 5–7%», — возражает господин Пилипенко.

Реформа юридической профессии и будущее адвокатуры стали одной из ключевых тем обсуждения на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге. Так, вице-президент Общества солиситоров Англии и Уэльса Джо Эган представ-

вил результаты исследования 2016 года о будущем профессии. «Изменения динамичные, они будут происходить в беспрецедентном масштабе и с беспрецедентной скоростью. Некоторые факторы этих изменений таковы: глобализация, конкуренция и покупательское поведение, а также технические инновации», — поясняет господин Эган.

Вице-президент Швейцарской ассоциации адвокатов Урс Хэги уверен, что профессия должна развиваться, однако специалисты не должны следовать любым модным тенденциям. Адвокатам стоит придерживаться стабильности в своих решениях, уверен он. По его словам, позиционирование судебной власти как государственной, растущая дигитализация и этические вопросы — вот основные вызовы, с которыми сталкивается Швейцарская ассоциация адвокатов. «Вопросы этики — это то, что позволено адвокату. Они зависят во многом от исторического наследия как общества, так и самой страны», — говорит господин Хэги.

Наталья Мальшева